

На правах рукописи

НОВИКОВА МАРИЯ ВАЛЕРЬЕВНА

**ОСОБЕННОСТИ НАРРАТИВНЫХ ФУНКЦИЙ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ
ФОРМ В СЕВЕРНОРУССКИХ БЫЛИНАХ
В СОПОСТАВЛЕНИИ С ПАМЯТНИКАМИ РУССКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ XII – XVII ВВ.**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва
2016

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова»

Научный руководитель: кандидат филологических наук
доцент кафедры русского языка
филологического факультета ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова»
Шевелёва Мария Наумовна

Официальные оппоненты: **Жолобов Олег Феофанович**
доктор филологических наук
профессор кафедры русского языка и
прикладной лингвистики Института филологии
и межкультурной коммуникации им. Льва
Толстого ФГАОУ ВО «Казанский
(Приволжский) федеральный университет»

Ровнова Ольга Геннадьевна
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник ФГБУН «Институт
русского языка имени В. В. Виноградова
Российской академии наук»

Ведущая организация: ФГБУН «Институт лингвистических
исследований Российской академии наук»

Защита диссертации состоится «12» октября 2016 года в
_____ часов _____ мин. на заседании диссертационного совета Д 501.001.19 при
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова» по адресу: 119992, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ
имени М. В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».
Полный текст диссертации размещен на сайте филологического факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова»: http://www.philol.msu.ru/~ref/001_19_14.htm

Автореферат диссертации разослан « _____ » _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
профессор

Клобуков Евгений Васильевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена исследованию специфических особенностей употребления видо-временных форм в нарративе севернорусских былин, отличающих его от нарративных форм современного русского литературного языка. К числу таких особенностей относится нетипичное для литературного языка видовое распределение в плане настоящего исторического, более широкое употребление глаголов несовершенного вида (НСВ) в прошедшем времени для обозначения завершенных однократных событий в прошлом, а также более широкое по сравнению с литературным языком функционирование имперфективов, производных от основ НСВ (*хаживал, сиживал, едал* и под.).

Внимание к эпическим текстам не только специалистов по фольклористике, но и лингвистов во многом объясняется тем, что былина, представляющая собой произведение устного творчества, может рассматриваться как источник, отражающий особенности не книжной языковой традиции, опирающейся отчасти и на живую речь исполнителей. При этом эпический текст обладает определенными устойчивыми чертами (в том числе и на языковом уровне), характерными именно для этого жанра и сохраняющимися на протяжении долгого времени. В связи с этим былины оказываются ценным источником для исторической русистики и, хотя до сих пор не становились объектом специального исследования в грамматическом аспекте, неоднократно привлекали внимание историков языка и диалектологов (А. А. Потебня, В. И. Чернышев, Р. О. Якобсон, И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко и др.).

Целью диссертационного исследования является описание особенностей употребления видо-временных форм в планах прошедшего и настоящего исторического в былинных текстах, а также выяснение происхождения этих особенностей и их представленности на более ранних этапах развития русского языка по данным древнерусских и старорусских текстов разной степени книжности.

Поставленные цели предполагают решение следующих **задач**:

- описание особенностей семантики и функционирования прошедшего НСВ, настоящего исторического обоих видов и имперфективов, мотивированных основами НСВ, в текстах исследованных севернорусских былин;

- анализ употребления указанных форм в восточнославянских литературных текстах XII - XVII вв. разной степени книжности и хронологической отнесенности и сопоставление полученных данных с данными севернорусских былин;

- выявление возможных этапов развития и механизмов эволюции и/или утраты названных форм.

Актуальность исследования обусловлена фрагментарностью имеющихся описаний особенностей употребления видо-временных форм в русских эпических текстах и отсутствием комплексных исследований, посвященных проблеме происхождения этих лингвистических особенностей севернорусского былинного нарратива.

Предметом исследования являются формы настоящего исторического обоих видов, прошедшего НСВ в значении однократных завершенных действий и формы прошедшего времени от имперфективов, мотивированных основами НСВ (*хаживал, нашивал, едал* и т. п.).

Главной целью исследования – выяснить характер употребления в памятниках письменности XII – XVII вв. тех нарративных форм, которые составляют специфику былинных текстов, – объясняется выбор источников.

Материалом исследования послужили фольклорные тексты, а также древнерусские и старорусские памятники XII – XVII вв. разной территориальной локализации.

I. Фольклорные тексты.

Основным фольклорным источником стали Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом в 1871 г. на территории, охватывающей юго-восточную часть Карелии и юго-запад Архангельской области (по изд.:

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Тт. I, III. М.-Л., 1949). Онежские былины отличаются от материалов других собирателей высокой точностью записей и поэтому могут быть использованы как достаточно надежный лингвистический источник, что не раз отмечалось исследователями (к данным Онежских былин в своих трудах обращались А. А. Потебня, А. А. Шахматов, В. И. Чернышов, Д. С. Лихачев, Б. А. Успенский и др.).

В качестве дополнительного источника привлекаются южнорусские былины, записанные примерно в то же время – в начале XX в. Они представляют совершенно иную эпическую традицию, но демонстрируют при этом ряд особенностей употребления видо-временных форм, характерных для жанра былин вообще. (по изд.: А. М. Листопадов. Песни донских казаков. М.-Л., 1949. Тт. I, II).

В сопоставлении с былинами в работе рассматриваются сказки, записанные в разных регионах европейской части России (по изд.: Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова // Записки Императорского Русского Географического общества по отделению этнографии. Т. XXXIII. СПб, 1908. С. 202 – 354; Сказки и легенды пушкинских мест: Записи на местах, наблюдения и исследования В. И. Чернышева. М.-Л., 1950; Русская сказка. Избранные мастера / Под ред. М. К. Азадовского. М.-Л., 1932. Тт. I, II).

Диахроническое исследование функционирования указанных форм предполагает обращение к текстам разной степени книжности и диалектной локализации (Север, Центр, для раннего периода также Юг) в рамках трех хронологических срезов – XII – XIII вв., последней трети XIV – XVI вв. и XVII в.

II. Памятники XII – XIII вв.

В число исследованных памятников XII – XIII вв. входят тексты, представляющие так называемый гибридный регистр книжного языка¹ и

¹ В. М. Живов. Основные регистры книжного языка и процессы их формирования // В. М. Живов. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 31 – 41.

стандартные церковнославянские тексты. Первые представлены преимущественно древнерусскими летописями: *Киевская* и *Галицко-Волынская летописи* по Ипатьевскому списку (по изд.: ПСРЛ, т. 2. М., 2001), *Новгородская I летопись* старшего извода (по изд.: ПСРЛ, т. 3. М.-Л., 1950). Выделяется на фоне других памятников гибридного регистра раннего периода *Слово о полку Игореве*: очевидная связь с устной народной – и, в частности, эпической – традицией делает этот текст принципиально важным для настоящего исследования (текст рассматривается в чтении А. А. Зализняка, по изд.: *Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста*. М., 2007).

Стандартные церковнославянские тексты представлены в основном житиями – как оригинальными, так и переводными: *Житие Феодосия Печерского* и *Сказание о Борисе и Глебе* (по изд.: Успенский сборник XII-XIII вв. М., 1971), *Житие Авраамия Смоленского*, составленное в первой половине XIII в. (по изд.: Памятники древнерусской литературы. Вып. 1. СПб, 1912), а также переводные *Житие Алексея человека Божия* (по изд. И. И. Срезневского в ИОРЯС, 1863, т. 10) и *Житие Андрея Юродивого*, древнерусский перевод которого выполнен в конце XI – начале XII в. в Новгородской земле (по изд.: А. М. Молдован. *Житие Андрея Юродивого в славянской письменности*. М., 2000).

III. Памятники последней трети XIV – XVI вв.

Памятники последней трети XIV – XVI вв. представлены летописными сводами московского и севернорусского происхождения в записях XIV – XVI вв.: *Московский летописный свод* конца XV в. (по изд.: ПСРЛ, т. 25. М., 1949), *Никоновская летопись*, составленная в XVI в. (по изд.: ПСРЛ, тт. IX – XIII), *Царственная книга* – часть Лицевого летописного свода, составленного по заказу Ивана Грозного (по изд.: ПСРЛ, т. 13. СПб., 1906), *Холмогорская летопись* XVI в. (ПСРЛ, т. 33. М., 1977), *Устюжская летопись* первой четверти XVI в. в обеих известных редакциях (по изд.: ПСРЛ, т. 37. Л., 1982). Будучи текстами гибридного регистра, названные летописные своды, помимо основного летописного нарратива, включают в свой состав вставные

произведения, в числе которых оказываются и стандартные церковнославянские жития, и гибридные повести и сказания.

Отдельный интерес – прежде всего своей связью с фольклором и использованием в качестве литературного образца Слова о полку Игореве – представляет *Задонщина* (исследованы все шесть списков по изд.: ТОДЛ, т. IV. М.-Л., 1948).

IV. Памятники XVII в.

Большую часть рассмотренных памятников XVII в. составляют летописи: московские *Мазуринский летописец*, составленный в конце XVII в., *Летописец 1619 – 1691 гг.*, в пространной редакции и *Золотаревский летописец*, посвященный взятию Астрахани войском Степана Разина (по изд.: ПСРЛ, т. 31, М.-Л., 1968), а также севернорусские *Устюжский летописец*, *Вологодская летопись* (по изд.: ПСРЛ, т. 31, М.-Л., 1968) и *Двинской летописец* (по изд.: ПСРЛ, т. 33, М., 1977).

«Гибридные» памятники других жанров представлены *Повестью о зачатии Отроча монастыря* (по изд.: С. А. Семячко. Повесть о Тверском Отроче монастыре. Исследование и тексты. СПб., 1994), *Сказанием Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря* и рядом агиографических текстов XVII в. (по изд.: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени, т. 13. СПб., 1909; БЛДР, т. 14. СПб., 2006), а также *Житием протопопа Аввакума* (по изд.: Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1. Вып. 1. Л., 1927).

Ориентацию на фольклорную традицию отражают *Повесть о Фоме и Ереме* (по изд.: Русская демократическая сатира XVII в. М.-Л., 1954), *Повесть о Горе-Злосчастии* (по изд.: Н. И. Костомарова в журнале «Современник», 1865, №3) и *Писание о преставлении и погребении князя Скопина-Шуйского* (по изд.: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Т. 13. СПб., 1909).

В число рассмотренных памятников XVII в., строго выдерживающих книжную норму, входят *Житие архимандрита Троице-Сергиева монастыря*

Дионисия (по изд.: БЛДР, т. 14. СПб., 2006), *Повесть о житии царя Федора Ивановича* (по изд.: ПСРЛ, т. 14, ч. 1. СПб., 1910), *Житие Иринарха Ростовского* и *Житие царевича Димитрия Иоанновича* в редакции Четых Миней Иоанна Милютина (по изд.: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени, т. 13. СПб., 1909).

Различная жанровая принадлежность и хронологическая отнесенность рассмотренных текстов позволяют исследовать проблему происхождения отдельных типов переносных употреблений видо-временных форм, их эволюции и связи с разными типами языка – некнижной или книжной традициями.

Теоретическая база диссертации. Особенности семантики видо-временных форм описываются в диссертации с опорой на исследования Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, Е. В. Падучевой, А. Барентсена, И. Б. Шатуновского. В анализе функционирования глагольных форм в исследованных текстах учитывается тезис о связи видового и лексического значения, сформулированный Ю. С. Масловым и реализованный в исследованиях Е. В. Падучевой, Т. В. Бульгиной, Х. Р. Мелига, М. Я. Гловинской. В вопросе становления видовой системы русского языка базовыми для реферируемой работы являются результаты исследований П. С. Кузнецова, Р. Ружички, Ю. С. Маслова, В. Б. Силовой, С. Д. Никифорова, А. В. Бондарко, О. В. Кукушкиной, М. Н. Шевелевой.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на материале фольклорных эпических текстов и памятников русской письменности XII – XVII вв. различной жанровой, хронологической и территориальной принадлежности осуществлено комплексное исследование особенностей семантики и употребления нарративных форм, отсутствующих в современном литературном языке, но составляющих одну из специфических стилистических черт языка севернорусских былин. Поэтапное рассмотрение древнерусского и старорусского материала позволило выявить основные

тенденции развития исследованных типов переносного употребления видо-временных форм.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что на базе комплексного описания особенностей нарративных функций видо-временных форм, характерных для былинного нарратива, но аномальных для современного литературного языка, выявлены основные тенденции эволюции и/или утраты установленных особенностей на протяжении XII – XVII вв., предложены гипотезы об их возможном происхождении. Показано, что севернорусские былины сохраняют целый ряд архаичных особенностей видоупотребления, которые были характерны для старорусской или – в некоторых случаях – даже древнерусской нарративной традиции.

Практическая ценность диссертационного исследования состоит в том, что его выводы и результаты могут быть использованы в практике преподавания исторической грамматики русского языка, истории русского литературного языка и русской диалектологии, а также в курсах по особенностям языка русского и славянского фольклора.

На защиту выносятся следующие положения:

1. На протяжении XII – XVII вв. параллельно существовали два разных типа настоящего исторического, различавшихся особенностями употребления видов: экспрессивное настоящее историческое живого языка и литературная форма, характерная для книжной традиции.

2. Некнижные тексты XII – XVII вв. отражают постепенное изменение видового распределения в плане настоящего исторического в живом языке – от последовательного видового противопоставления в древнерусский период до полной его нейтрализации в современном литературном языке. Более широкое по сравнению с современной литературной нормой употребление в севернорусских былинах глаголов СВ в плане настоящего исторического сохраняет архаичное видоупотребление, характеризовавшее этот временной план в старорусский период.

3. Употребление настоящего исторического НСВ в событийном значении в былинах и современном разговорном языке не связано непосредственно своим происхождением с соответствующей формой, распространившейся в церковнославянской традиции в период второго южнославянского влияния, а является, по всей видимости, естественным результатом развития настоящего исторического в системе живого языка.

4. Способность л-форм НСВ обозначать завершённые однократные события в прошлом, являющаяся характерной особенностью былинного нарратива, имеет древнюю традицию, обнаруживая сходство с аналогичной функцией имперфекта и л-форм прошедшего времени НСВ в текстах XII – XVII вв. Высокая частотность такого употребления прошедшего НСВ в древнерусских и старорусских памятниках, отражающих связь с устным народным творчеством, позволяет говорить о преемственности эпической традиции от древнерусского периода до новейшего времени.

5. Утрата прошедшим НСВ экспрессивной функции обозначения завершённых однократных событий в прошлом может быть связана с развитием аналогичной функции у форм настоящего исторического в старорусский период, изначально для них нехарактерных, и растущей активностью последних, а также утратой основами НСВ маркированности по признаку процессности и развитием у них общефактического значения.

7. Имперфективы, образованные от основ НСВ (*хаживал, сиживал* и т. п.), отличаются от других глаголов НСВ в общефактическом значении тем, что называют факт, не локализованный во времени, и маркированы по этому признаку; остальные глаголы НСВ в исследованных памятниках и фольклорных текстах возможны в любом типе общефактического контекста, но в подавляющем большинстве случаев называют определённый факт, соотнесённый с конкретной точкой на временной шкале, то есть употребляются в единично-фактическом значении (в понимании Х. Р. Мелига и М. А. Шелякина), закрытом для глаголов типа *хаживал*.

Апробация работы проходила в форме научных докладов на международных научных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2008», «Ломоносов-2009», «Ломоносов-2010». По теме исследования опубликовано 8 работ, в том числе 3 – в изданиях, рекомендованных ВАК. Диссертация обсуждена на заседании кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (май 2016 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы. Главы построены однотипно. Каждая из них предваряется отдельной вступительной частью, содержащей историю вопроса и обзор соответствующей литературы. Далее обсуждаются особенности семантики и функционирования рассматриваемых форм в текстах былин, анализируются аналогичные употребления в текстах других фольклорных жанров и материалах русских говоров. Последующие части посвящены анализу аналогичных употреблений в предшествующие периоды развития русского языка по данным исследованных памятников с последующим обобщением полученных данных.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются тема и проблематика работы, формулируются ее цели и задачи, характеризуется теоретическая база исследования, дается характеристика исследованных источников.

Первая глава посвящена формам настоящего исторического НСВ и СВ.

Настоящее историческое в Онежских былинах отличается от литературной нормы более широким употреблением глаголов СВ, а именно способностью последних – наряду с НСВ – называть неповторяющиеся завершённые действия в прошлом, например:

Послушала его служаночка,

Отворочала все дубья да колодья нонь

И повыпустит Василия на святую Русь.

*И уж как наскори попала тут тележна ось,
Взял он осью той да помахивать,
Взял он мужиков да поколачивать,
И уж мужиков да мало ставится (Онеж. был., с. 405).*

Скоморошина тут местом не побрѣзговал,

А скочил на печку на муравлену,

Заиграет тут в гусельшка яровчаты

А на той было на печки на муравленой,

А играет-то Добрынюшка во Киеви

А на выигрыш берет да во Царигради,

А от стараго да всих до малого

А повыиграл поименно (Онеж. был., с. 151).

Некнижные древнерусские и старорусские памятники показывают аналогичное употребление презенса СВ, напр.:

и тогда оубиша · половецького княза · Козла Сотановича · и Елтоута · Кончакова брата · и · в · Кончаковича гаша и Тотоура · и Бакобоу · и Конячюка батого · и Чюгата · и своѣ полониша · поганыѣ · и тако поможеть Бѣ Роуси · и возвратишася во своѣси (Киевская лет., л. 219, 1181 г.).

Ср. из летописей старорусского периода:

И того же мѣсяца князь Семень Ивановичь да князь Петръ Серебряной съ товарищи поѣхали къ городу Казани, а напередъ ихъ Иванъ Шереметевъ <...>. И какъ будуть на Волгѣ у Ирохова острова, тутъ встрѣтили бояръ ис Казани Шамса князь да Ханъкилдей, и иные многіе Казанцы встрѣчали съ любовію и били челомъ бояромъ, чтобы ѣхали въ городъ, а они всѣ холопи государевы въ его волѣ (Никоновская лет., т. 13(1), с. 185, 1552 г.) – глагол СВ означает однократное событие в прошлом: ‘и когда оказались на Волге...’.

Материал исследованных в реферируемой работе памятников подтверждает наблюдения Е. А. Мишиной и А. В. Бондарко: если в ранний период в настоящем историческом «имело место довольно последовательное

видовое противопоставление»¹, то применительно к старорусским текстам можно говорить уже лишь о более широком по сравнению с современной литературной нормой употреблении глаголов СВ². Некнижные памятники XII – XVII вв. показывают последовательное сужение сферы употребления в этом временном плане глаголов СВ (а именно – утрату ими способности называть единичные события) и расширение функций НСВ.

Можно предполагать, таким образом, что былины отражают архаичное видовое распределение, характеризовавшее план настоящего исторического на более ранних этапах развития русского языка.

Употребление глаголов НСВ в настоящем историческом совпадает с современной литературной нормой: они могут употребляться как в событийном, так и в процессном значении, т. е. называть и последовательные, и одновременные события в прошлом. Хорошо известно при этом, что событийное настоящее историческое НСВ широко распространилось в книжных текстах только со вторым южнославянским влиянием. Однако употребление такой формы в фольклорном тексте вряд ли может быть связано с церковнославянской традицией.

Данные памятников XII – XVII вв. позволяют предполагать параллельное существование на протяжении всего этого времени двух традиций употребления настоящего исторического. Одна из них представлена в церковнославянских текстах – она характеризуется употреблением презенса НСВ только в событийном значении и отсутствием презенса СВ. Такое настоящее историческое очень частотно в книжных фрагментах памятников XIV – XVII вв., пр.:

иже въ странахъ славенъ бывъ великии князь и страшенъ бывъ ратнымъ, толику славу княженіа вскорѣ оставляетъ и толми смирено своима ногама въ

¹ Е. А. Горбунова (Мишина). Функционирование настоящего исторического в восточнославянских памятниках XI – XV вв. // *Annali dell'Istituto universitario Orientale di Napoli (Dipartimento di studi dell'Europa orientale. Sezione Slavistica)*. 1997-1998. С. 281.

² А. В. Бондарко. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного вида в славянских языках // Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005. С. 458 – 673.

монастырь приходитъ и умилнѣ у епископа постриженіа проситъ (Никоновская лет., т. 11, с. 181, Житие Михаила Александровича Тверского).

Но, как показало исследование, оно встречается в книжных текстах и раньше – в частности, примеры обнаруживаются уже в оригинальном восточнославянском Житии Феодосия Печерского XII в., ср.:

родиста же блжзенаго дѣтища сего таче въ осмыи днѣ принесоста и къ сѣлю бжю <...> прозвутерь же видѣвъ дѣща и срдѣчьныма очима прозѣря юже о немь · яко хоцетъ из млада богу дати вѣдосиємь того нарицають (Житие Феодосия Печерского, 27а – 27б).

Этот тип настоящего исторического не обнаруживает заметных изменений в характере употребления на протяжении всего исследованного периода, за исключением роста активности в период второго южнославянского влияния.

Второй тип употребления настоящего исторического характерен для гибридных текстов раннего периода и некнижных фрагментов памятников XIV – XVII вв. В древнерусских некнижных и гибридных текстах презенс НСВ имеет процессное значение, обозначая не продвигающие повествование (одновременные) действия в прошлом, презенс СВ называет завершенные действия в прошлом, «двигающие» нарративную цепочку, неохарактеризованные же по виду глаголы возможны и в процессном, и в событийном значении, напр.:

Дремлетъ въ полѣ Ольгово гнѣздо; далече залетѣло. <...> Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ вѣкомъ, Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону Великому (СПИ, 40 – 42) – глаголы НСВ и неохарактеризованные по виду в процессном значении;

ср. подобное употребление: *А царь Ивак приде на него силою своею безвестно с мырзами месяца генваря в 6 день. Приде на него на утре изноровся, а царь Ахмат еще спит. А царь Ивак сам вскочи в белу вежу*

цареву Ахматову и уби его своими руками (Устюжская лет., л. 330 – 331, 1481 г.).

В отличие от «книжного», этот тип настоящего исторического (повидимому, характерный для живого языка и выполнявший экспрессивную функцию) со временем претерпевал изменения, поскольку начиная с XVI в. указанное видовое распределение в настоящем историческом выдерживается непоследовательно. Если до XVI в. в некнижных контекстах не встречается ни одного случая употребления презенса НСВ в событийном значении, то с этого времени такие примеры появляются, тогда как презенс СВ, напротив, уходит на периферию. В XVII в. событийный презенс НСВ встречается уже в том числе и в текстах, отражающих ориентацию на фольклорную традицию, ср.:

Какъ будетъ день уже до вечера <...>,

отъ сна молодець пробужаетца,

в ть поры молодець озирается:

а что сняты съ него драгіе порты,

чары и чулочки все поснимано (Повесть о Горе-Злосчастии, с. 56 – 57).

Проведенное исследование позволяет предполагать, что развитие событийного значения у глаголов НСВ в настоящем историческом в живом языке шло параллельно с распространением соответствующей формы в книжной церковнославянской традиции в период второго южнославянского влияния и, вероятно, независимо от нее.

В качестве общей гипотезы предполагается, что наличие в современном русском литературном языке двух разновидностей настоящего исторического – «живого, эмоционального рассказа о прошлом» и «настоящего исторического в литературном авторском повествовании», употребляющегося «в авторской речи, в исторических трудах, биографиях»¹, – является развитием сосуществовавших на протяжении длительного времени двух типов Praesens

¹ А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971. С. 144. О двух типах настоящего исторического в современном литературном языке также: Русская грамматика. Т. 1. М., 1980. С. 632; И. Б. Шатуновский. Проблемы русского вида. М., 2009. С. 210 – 214.

Historicum – экспрессивного настоящего исторического живого языка и литературной повествовательной формы, характерной для книжной традиции.

Вторая глава посвящена употреблению в прошедшем времени глаголов НСВ для обозначения завершенных однократных последовательных действий. По аналогии с настоящим историческим в реферируемой работе это значение названо событийным.

Сегодня такое употребление НСВ воспринимается как специфическая особенность эпического нарратива, ср.:

Зовет его Вольга Всеславьевич

С собою ехать в Курчевец <...>.

Не отнимался Викула Селягин сын,

Выпрягал кобылку он солову,

Клал сошку на ноженку,

Липнул сошку далеко в край.

Садился на кобылку на солову,

Поехал Викула Селягин сын (Онеж., с. 109).

Однако событийное прошедшее НСВ не является уникальной чертой только этого фольклорного жанра. В книжных и некнижных памятниках XII – XVII вв. встречается употребление в таком значении форм имперфекта и л-прошедшего НСВ.

В соответствующих контекстных условиях имперфект мог называть одно из действий в претеритальной цепочке, ср.:

*Возьѣха же король с ними . противоу же Данилоу князю . Данила же приде к нему . исполчи всѣ люди своѣ . <...> // и просисѣ оу него въ станъ . зане || знои бѣ великъ . ѣне того Ѡнь же зѣ и за роукоу . и веде его в полатоу свою . и самъ **соволочашеть** еѣ . и **Ѡблчашеть** и . и во порты своѣ . и такоу чѣть творашеть емоу . и прииде в домъ свои (Галицко-Волынская лет., л. 273 об. – 274, 1252 г.);*

*Проповедником их кликнувшим скверную молитву, абие воскричавше все воинство и **скакаху** ко граду. И прикативше пушки и пищали <...>, начаша*

бити град отвсюду, и мосты ко граду на рвех мостити <...> (Холмогорская лет., Повесть о взятии Царьграда, л. 359, 1453 г.) – ‘Когда их проповедники кликнули..., войско, вскричав, поскакало...’.

От нормального в таких случаях аориста событийный имперфект отличается собственно значением процессности и, возможно, экспрессивной функцией. Количество таких форм в большинстве текстов очень невелико, и на протяжении XII – XVII вв. какие-либо изменения в его употреблении не прослеживаются. Л-формы НСВ в событийном значении в ранних текстах отсутствуют, наибольшая активность приходится на XV в., затем их частотность начинает снижаться.

Интересно, что на протяжении всего периода XII – XVII вв. концентрация форм прошедшего НСВ с событийным значением наиболее высока в текстах, отражающих связь с фольклором: Слово о полку Игореве, «Задонщине», Повести о Горе и Злосчасти и др. Так, в Слово о полку Игореве 3 событийных имперфекта встретились в одном очень кратком эпизоде описания сна Святослава, в коротком некнижном фрагменте Писания о преставлении Скопина-Шуйского XVII в. также встретилось 3 формы, ср. оба примера:

А Святъславъ мутень сонъ видѣ въ Кіевѣ на горахъ: «Си ночь съ вечера одѣвах<у>т<ь> мя, рече, чръною паполомою, на кровати тисовѣ; чрънахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сынахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великій женчюгъ на лоно; и нѣгують мя; уже дѣскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръстѣмъ. Всю ночь съ вечера б<у>с<и>ви врани възгряху; у Пльсьнска на болони бѣша дѣбрь(с)ки сан<и> и несош<а я> къ синему морю» (СПИ, 93 – 99) – действия, произошедшие ‘этим (прошлым) вечером’ прагматически определяются как однократные и последовательные, а не повторяющиеся: ‘накрыли’, ‘зачерпнули’, ‘насыпали’.

И какъ будетъ после честного стола пиръ на весело, и дѣвольскимъ омраченіемъ злодѣяница та княгина Марья, кума подкрестная, подносила чару питія куму подкрестному и била челомъ, здоровала съ крестникомъ, Алексѣемъ Ивановичемъ. И въ той чарѣ въ питіи уготовано лютое питіе

смертное. И князь Михайло Васильевич выпивает ту чару до суха, а не вьдаеть, что злое питіе лютое смертное. И не въ долгъ часъ у князя Михаила во утробъ возмутилося, и не допироваль пиру почестного и погьхаль къ своей матушке княгине Елене Петровне (Писание о преставлении и погребении князя Скопина-Шуйского, л. 897) – цепочка последовательных действий образуется формами прошедшего и настоящего исторического обоих видов, в том числе прошедшего НСВ.

В текстах же, не обнаруживающих явной ориентации на фольклорную традицию, количество форм прошедшего НСВ в событийном значении всегда оставалось небольшим.

Употребление событийного прошедшего НСВ совершенно аналогично событийному значению НСВ в плане настоящего исторического: обе формы называют завершенные однократные события в прошлом, в обоих случаях это значение проявляется в нарративе и является контекстуально обусловленным; прошедшее НСВ отличается от настоящего исторического НСВ фактически только отсутствием временной транспозиции. При этом если л-формы НСВ со временем утрачивают способность употребляться в событийном значении (и в итоге сохраняются лишь в фольклорных текстах в качестве характерной стилистической особенности), то в настоящем историческом активность событийного НСВ, напротив, возрастает.

В работе высказано предположение, что способствовать исчезновению событийного значения у прошедшего НСВ могли следующие факторы: 1) утрата основами НСВ маркированности по признаку процессности; 2) развитие основами НСВ общефактического значения¹; 3) постепенное сокращение числа неохарактеризованных по виду основ и закрепление за большинством из них значения НСВ; 4) растущая активность употребления событийного НСВ в настоящем историческом. Статистика по всем исследованным памятникам показывает, что сужение сферы употребления событийного значения НСВ в

¹ О. В. Кукушкина, М. Н. Шевелева. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1991. № 6. С. 38 – 49.

прошедшем времени шло параллельно с ростом активности его в настоящем историческом.

В третьей главе рассматриваются имперфективы, мотивированные основами НСВ (типа *хаживал, нашивал, бирал, живал* и под.).

В исследованных фольклорных текстах и старорусских¹ памятниках глаголы типа *хаживал* в прошедшем времени употребляются в общефактическом значении, которое в севернорусских говорах, по-видимому, является для них основным². От других глаголов НСВ – непроизводных глаголов и вторичных имперфективов, также употребляющихся в общефактических контекстах, – они отличаются тем, что называют факт, нелокализованный во времени, и маркированы по данному признаку. Ср.:

Потом приходит он к царю, к отцю на бал, камень самоцветный понёс; отец его и принял <...>, нижа всех его и посадил, потом вси хвастают, хто цим може. Он говорит, этот бедный-то: «Што, – говорит, – хвастать: я на лёв-звере езжал и то не хвастаю» (Сказка, респ. Коми) – глагол *езжал* сообщает, что факт имел место по крайней мере однажды на протяжении некоторого периода времени (в отсутствие временных локализаторов начало и окончание этого периода определяется прагматически).

Высказывание, содержащее глагол типа *хаживал*, имеет неопределенную референцию, отсылая не к определенной ситуации, а к типу, к открытому классу таких ситуаций. Подобные образования характеризуются, таким образом, всеми признаками, отличающими собственно общефактическое значение в современном литературном языке³.

¹ В древнерусских памятниках такие образования не представлены.

² С. К. Пожарицкая. О семантике итеративных глаголов в севернорусских говорах // Современные русские говоры. М., 1991. С. 84 – 94; О. Г. Ровнова. Многократные глаголы в одном севернорусском говоре. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993.

³ И. Б. Шатуновский. Проблемы русского вида. М., 2009. С. 142; Х. Р. Мелиг. Общефактическое и единично-фактическое значения несовершенного вида в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013, №4. С. 19 – 47; Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. С. 32 – 34.

Однако для имперфективов, образованных от основ НСВ, оказывается закрытой способность выступать в единично-фактическом значении, т. е. называть конкретный, индивидуализированный факт, имевший место в определенный момент в прошлом. В таком значении во всех рассмотренных текстах возможны только «обычные» глаголы НСВ, ср.:

*Ношным бытóm приезжают за Варегиным, завязывают ему глаза, садят в глухую повозку. Лягли они с ей в спальну, и он взял пузырек и ей капнул на шишочку; она заойкала, соскочила, смотрит в зеркало, што пятно. <...> То поутру царь его спрашивал: «Што, Варегин, ездил к своей сударке?» – «Ездил». – «Капнул?» – «Капнул» (Сказка, Пермский край) – глагол *ездил* в обоих случаях употреблен в общефактическом контексте, но отсылает при этом к определенной, конкретной ситуации.*

Показательны контексты, содержащие оба типа образований, ср.:

– *А помнишь ли, Ставер да сын Годинович,*

Как мы с тобою в грамоте учились ли,

А моя была чернильница серебряна,

А твое было перо да подзолочено <...>?

– *Я с тобою грамоте не учивался.*

– *А помнишь ли, Ставер сын Годинович,*

А мы с тобою свечками поигрывали

А мое было колечко золоченое,

Твоя-то ббыла сваячка серебряна <...>?

– *Я-то с тóбой сваячкой не игривал* (Онеж. был., с. 189) – в высказываниях с глаголами *учились* и *поигрывали* говорящий напоминает об определенной ситуации (или нескольких ситуациях); ответы на эти реплики, напротив, отрицают сам факт наличия этой ситуации вообще когда-либо в прошлом.

Являясь немаркированным членом оппозиции, «обычные» глаголы НСВ возможны в обоих типах контекстах – единично-фактическом и собственно общефактическом, ср. пример последнего в одной из сказок:

Пашет Микула шут пашню; едет священник дорогой <...>. – «Бог помочь тебе!» – «Добро пожаловать!» – «Как же ты, Микула шут, с рóду не пахал, а теперъ вѣехал пахать?» – в этом контексте нормальным было бы появление варианта *не пахивал*.

При этом в целом севернорусских былинах и сказках названное распределение выдерживается вполне последовательно – примеры, аналогичные последнему, единичны.

Так же последовательно эти глаголы распределены и в рассмотренных текстах XV – XVII вв., как севернорусских, так и связанных с территорией Центра, ср.:

Лета 6942-го был голод великий в Литовской земли. По селом и по городам звери людей поядали, а в городе Смоленску по посаду и по улицам люди з голоду людей ядали, а псы головы и руки и ноги человеческия волачивали (Мазуринский лет., л. 177, 1434 г.) – ‘на протяжении того времени, пока длился голод, такая ситуация, как X, имела место (хотя бы однажды)’;

Ср. два контекста с «обычными» НСВ – вторичными имперфективами и производным глаголом:

Того же 171 года марта в 16 день приезжал на Двину князь Иван Шеховской сыскивать беглых салдат и стрельцов и всяких служылых людей (Двинской лет., Простр. ред., л. 23, 1663 г.) – временной локализатор точно определяет соотнесенность действия с определенным моментом в прошлом;

и в кругу ево роспрашивали, хто складывал и хто писал те грамоты (Золотаревский лет., 1 ред., л. 64 об., 1671 г.) – указание на точное время совершения действия отсутствует, но даже без обращения к более широкому контексту очевидно, что речь идет об определенном, конкретном событии.

Диалектные различия в употреблении имперфективов от основ НСВ в старорусских текстах не обнаруживаются.

Среди всех рассмотренных памятников нарушается указанное распределение только в южнорусских былинах: глаголы типа *хаживал* там

регулярно встречаются в обоих значениях и даже в контекстах, не допускающих общефактического прочтения вообще.

Особым образом во всех рассмотренных текстах функционируют глаголы *бывать*, *видать*, *слыхать*: эти глаголы, мотивированные неохарактеризованными по виду основами¹, в былинах и старорусских памятниках употребляются не только в собственно общефактическом, но и в единично-фактическом значении, которое для «обычных» глаголов типа *хаживал* закрыто.

В отличие от современной литературной нормы, в севернорусских фольклорных текстах и старорусских памятниках значение многократности у рассматриваемых глаголов, по-видимому, является контекстуально обусловленным. Потенциальная повторяемость, отличающая все глаголы в общефактическом значении, может не реализоваться: как и другие глаголы НСВ, глаголы типа *хаживал* выражают его в соответствующих контекстных условиях, при отсутствии же таковых могут обозначать единичные, неповторяющиеся действия.

В работе высказывается предположение, что севернорусские фольклорные тексты (и шире – севернорусские говоры вообще) сохраняют употребление имперфективов типа *хаживал*, которое в более ранний период было характерно не только для Севера, но и по крайней мере для говоров Центра.

В **Заключении** подводятся основные итоги проведенного исследования. В работе показано, что целый ряд специфических, не свойственных сейчас русскому литературному языку особенностей функционирования видо-временных форм в Онежских былинах имеет архаичное происхождение. При этом если характер употребления форм настоящего исторического и глаголов типа *хаживал* в былинах отражает, вероятно, особенности их

¹ М. Н. Шевелева. Еще раз о бесприставочных итеративах на *-ыва-/-ива-* типа *хаживать* в истории русского языка // Русский язык в научном освещении. 2012. №1 (23). С. 144 – 155.

функционирования в живом языке более раннего времени, то прошедшее НСВ в событийном значении, по-видимому, всегда было стилистически окрашенной формой, употребление которой в текстах XII – XVII вв. позволяет говорить о преемственности эпической традиции от древнерусского периода до нового времени.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Гашнева М. В. (Новикова).* Настоящее историческое событийное: устное повествование и книжная традиция // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2012. №3. С. 103 – 109.
2. *Гашнева М. В. (Новикова).* Прошедшее несовершенное в севернорусских былинах и нарративная традиция древнерусских памятников // Русский язык в научном освещении. 2012. №1 (23). С. 179 – 193.
3. *Новикова М. В.* К вопросу о значении настоящего исторического совершенного вида в севернорусских былинах // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. 2015. №4. С. 209 – 218.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

4. *Гашнева М. В. (Новикова).* Прошедшее время несовершенного вида в языке Онежских былин и славянский имперфект // Материалы XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». – М.: 2008. С. 126 – 128.
5. *Гашнева М. В. (Новикова).* Имперфект и л-формы несовершенного вида в летописях XIV – XV вв. // Материалы XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». – М.: 2009. С. 146-147.
6. *Гашнева М. В. (Новикова).* К вопросу о происхождении событийного настоящего исторического в русской литературной традиции (на материале летописей XV – XVI вв.) // Материалы XVII Международной конференции

студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология».
– М.: 2010.

7. *Гашнева М. В. (Новикова)*. Об одной нарративной функции прошедшего несовершенного в летописях XV – XVI вв. и севернорусских былинах // Материалы XV Международной научно-практической заочной конференции, Москва – Ульяновск, 23 апреля 2010. – М., Ульяновск: УлГУ, 2010. С. 324 – 330.

8. *Гашнева М. В. (Новикова)*. Настоящее историческое в русских летописях XV – XVI вв. // Материалы Международной научно-практической конференции памяти профессора Е. И. Никитиной. Выпуск 2. Часть 1. Ульяновск: УлГПУ, 2010. С. 37 – 44.